

Таким образом, на письмо детей 8 лет оказывают влияние когнитивные особенности: стремление ребенка младшего школьного возраста к систематизации на основе сверхгенерализации. Как показывают данные эксперимента, графо-орфографические девиации отражают проявление ведущей роли системы, а не исключений из нее в письме ребенка младшего школьного возраста. Ведущим принципом при этом является поиск аналогий: *ѣгурт* как *ѣлка*, при этом отступления от слогового принципа русской графики не учитываются детьми: в центре внимания находится буквосочетательный принцип.

Литература

1. Голев, Н.Д. Коммуникативная орфография русского языка (на примере неразличения на письме букв Е и Ё) /

Н.Д. Голев // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3 / под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул, 2000. – С. 47 – 53. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v99.html>

2. Грот, Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне / Я.К. Грот. – СПб., 1876.

3. Иванова, В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография / В.Ф. Иванова. – М., 1976.

4. Мейеров, В.Ф. Современное русское письмо. Графические орфограммы / В.Ф. Мейеров. – Иркутск, 1999.

5. Мейеров, В.Ф. Типология буквенных орфограмм / В.Ф. Мейеров. – Иркутск, 1988.

6. Павлова, Н.П. Освоение системы письма ребенком-дошкольником / Н.П. Павлова. – Череповец, 2007.

7. Парубченко, Л.Б. Ненормативное русское письмо (лингвистический анализ ошибок в употреблении букв): автореф. дис. доктора филол. наук / Л.Б. Парубченко. – Омск, 2004.

УДК 81. 00

Д.А. Самарин

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ МОДИСТОВ

В статье рассматривается грамматическая теория модистов и ее влияние на европейскую лингвистику. Продемонстрированы истоки представлений модистов о грамматическом строе. Дисциплинарная структура грамматики модистов проанализирована в двух составляющих ее аспектах – морфологии и синтаксисе. Система частей речи в модистской концепции представлена как универсальная категория. В работе показано воздействие грамматики модистов на лингвистические теории последующих столетий и современного периода.

Модисты, семасиологическая категория, ономасиологическая категория, значение, этимология, часть речи, синтаксис.

Grammatical theory of the Modists and its influence on the European linguistics is considered in the article. The sources of the Modists' ideas about the grammatical system of the language have been demonstrated. The disciplinary structure of the Modists' grammar has been analyzed in its two constituents – morphology and syntax. The system of parts of speech in the Modist conception has been presented as a universal category. In the paper the impact of the Modists' grammar on linguistic theories of the following centuries and the modern period has been shown.

Modists, semasiological category, onomasiological category, meaning, etymology, part of speech, syntax.

Несомненно, что наиболее значимые достижения в сфере исследования языка в Европе периода средних веков принадлежат направлению, представители которого известны как «модисты». Это название происходит от слова *modus* – способ, образ обозначения. Под модусами обозначения понимались способы выражения идей как результата осознания предметов внешнего мира. По убеждению модистов, грамматическое изучение языка предвлялось исследованием форм бытия вещи (предмета метафизики) и исследованием способов понимания этих форм (предмета логики).

Расцвет учения модистов относится к рубежу XIII – XIV вв. Их основная деятельность сосредоточивалась в Парижском университете. Во второй половине XIV и в XV в. центры активности модистов возникли в Эрфурте, Болонье, а затем в Праге. Но в начале XVI в. интерес к идеям модистов угас.

Весомый вклад в развитие модистских теорий

внесли датские ученые. Основной труд Мартина Дакийского, автора комментариев к логическим трудам Аристотеля, «*De modis significandi*» (70 – 80-х гг. XIII в.) был представлен манускриптами XIV и XV вв. К датским модистам относились Боэций Дакийский, философ, комментатор трудов Аристотеля, представитель аверроизма в философии второй половины XIII в., Иоанн Дакийский («*Summa Grammaticae*») и Симон Дакийский («*Domus Grammaticae*»). Известными фламандскими модистами были Мишель из Марбэ и Сигер из Куртрэ.

Соотнося философские категории бытия и мышления с содержательными структурами языка, модисты превращали эти категории в ономасиологические. К ним модисты приходили и со стороны семасиологических категорий, обнаруженных ими в грамматиках Элия Доната (IV в.) и Присциана (VI в.). Одним из самых авторитетных модистов был Томас Эрфуртский (начало XIV в.), преподаватель

факультета искусств Парижского университета, затем переселившийся в Эрфурт. Его труд “De Modis significandi sive Grammatica Speculativa” был создан, очевидно, в самом конце XIII в. Именно в этом сочинении наиболее полно и подробно изложена концепция модистов.

Учение модистов было во многом подготовлено трудами грамматистов и философов предшествующего периода (XII – начало XIII вв.). Неслучайно Х.Х. Робинс в книге “A Short History of Linguistics” назвал модистское учение «продуктом интеграции грамматического описания латинского языка ... в систему схоластической философии» [9, с. 74].

Развитие средневековой науки в XII – XIII вв. было подвержено влиянию переведенных трудов Аристотеля. Грамматическое учение модистов было связано со схоластической философией в сфере проблематики, понятийного аппарата и терминологии, представляя собой философскую грамматику. При этом грамматику модисты трактовали как «науку о языке» (нем. Sprachwissenschaft) в отличие от «реальной науки» (нем. Realwissenschaft). Предметом ее исследования был язык. Поскольку язык рассматривался как универсальная грамматическая структура, грамматики того периода назывались «спекулятивными» (лат. *speculum*, нем. *Spiegel* – зеркало).

В качестве объекта исследования модисты рассматривали грамматический строй, по их мнению, общий для всех языков. Напротив, различный в разных языках звуковой строй совершенно игнорировался. Данный факт проиллюстрирован в “Die Modi significandi des Martinus de Dacia” Х. Роозом: «Грамматист, как таковой ... не должен определять звучания» [10, с. 142]. Проблемы звучания как материального субстрата языка модисты относили к сфере естественных наук – физики или физиологии. Для модистов не был характерен и интерес к проблемам лексического значения слова.

Настоящим предметом своей науки модисты считали лишь формальные, грамматические значения (в отличие от значений отдельных слов). В основе грамматической теории модистов лежали *modi significandi* («способы обозначения»). В своей работе “Die Entwicklung der Sprachtheorie im Mittelalter” Й. Пинборг указывал: «Все понятия включаются в одну стройную теорию; в качестве ее центра выступает *modus significandi*; все грамматические структуры определяются по отношению к этому центру» [8, с. 56]. В связи с этим основным методом модистов был метод дедукции.

Модисты были убеждены, что настоящее понимание явлений языка требует обращения к процессам познания и к миру реальности, так как строение языка отражает структуру материального мира. Во второй половине XIII в. в фокусе их внимания оказались проблемы натурфилософии, психологии и, прежде всего, метафизики. Модисты стремились к онтологической интерпретации различных явлений языка. При этом исследователями применялись основные онтологические суждения Аристотеля: представления о материи и форме, о потенции и акте, о субстанции в акциденциях, о четырех причинах (ма-

териальной, формальной, целевой и движущей).

Ряд идей, на которых строилась теория модистов, разрабатывался Петром Гелийским, Робертом Килвордби, Роджером Бэконом и другими философами, логиками и грамматистами XII и XIII вв. Но именно у модистов модус обозначения (*modus significandi*) превратился в ключевое понятие, посредством которого они интерпретировали самые различные явления языка.

Представления о дисциплинарной структуре грамматики у модистов формировались под влиянием Элия Доната и Присциана. Но в трактатах модистов не было таких разделов традиционных грамматик как орфография и просодия из-за отсутствия интереса к изучению звукового строя языка. Из четырех основных разделов грамматики сохранились лишь этимология (учение о частях речи) и синтаксис (учение о словосочетании и предложении).

Словообразовательные категории Томас Эрфуртский оценивал наряду с морфологическими. Его межуровневая классификация частей речи строилась на ономазиологических категориях субстанции, качества и отношения; две первые выражались изменяемыми (склоняемыми и спрягаемыми) словами, а третья – неизменяемыми. Категория субстанции делилась на определенные (существительные) и неопределенные (местоимения), а категория качества – на внутренние – непроцессуальные (прилагательные) и процессуальные (причастия) – и внешние (глаголы). В монографии «Ономазиологическое направление в грамматике» В.П. Даниленко так охарактеризовал этот факт: «Ономазиологический характер данной классификации связан с тем, что в состав морфологических средств, объединяемых категориями субстанции, качества и внутреннего качества, входит несколько частей речи» [3, с. 142].

Модисты считали части речи идентичными во всех языках как определенные реализации частей речи универсального языка, отчего их различия состояли лишь в формальном выражении. В статье «Части речи в Средние века» О.В. Лукин подчеркивал: «Частеречные теории модистов сами как в зеркале повторяли частеречные построения Дионисия Фракийского, независимо от того, описывала та или иная грамматика язык вообще, латинский язык или какой бы то ни было другой язык (английский, исландский и др.). Однако они поставили частеречную теорию на иной качественно новый уровень по сравнению с античной эпохой» [4, с. 144].

В основе учения модистов о частях речи находятся модусы обозначения. При определении частей речи модисты, в отличие от грамматистов античности и раннего Средневековья, отвергали критерий значения. Модистская классификация частей речи основана на принципе бинарной оппозиции: изменяемые части речи противостоят неизменяемым частям речи. В изменяемых частях речи идет поляризация по модусам устойчивого положения и становления. Каждая из данных подгрупп состоит из двух частей – к первой части относятся имена и местоимения, а ко второй – глаголы и причастия.

Всю грамматическую систему модистов, в осо-

бенности синтаксис, отличает разграничение между двумя типами побочных модусов обозначения (*modi significandi accidentales*) – между абсолютными и относительными модусами. К первым из них относятся разграничения словообразовательного характера между первичными и производными словами, а посредством вторых одна составная часть конструкции относится не только к свойству вещи, но и к другой составной части конструкции.

Например, имя обозначается посредством двух общих модусов обозначения – объединяющего имя с местоимением (материального) и отграничивающего его (формального). Первый модус обозначался ранними модистами (в частности, Мартином Дакийским) как модус состояния и покоя (*modus habitus et quietis*) и более поздними – как модус сущего (*modus entis*). Томас Эрфуртский, основываясь на метафизических признаках, дал такое определение имени: «Имя есть часть речи, обозначающая посредством модуса сущего» [6, с. 135]. Второй модус имени представлял собой модус определенного восприятия (*modus determinatae apprehensionis*).

Основной модус обозначения глагола полярен модусу обозначения имени. Имени и глаголу приписывались лишь самые основные и общие свойства действительности. Модус бытия объединяет глагол с причастием. Их формальным разграничителем модисты считали модус отстояния от субстанции (*modus distantis a substantia*). С этим фактом было связано определение глагола как части речи Томасом Эрфуртским: «Наиболее общий основной модус обозначения глагола есть модус обозначения вещи посредством модуса бытия и отстояния от субстанции» [6, с. 207].

Модистов не устраивали определения глагола, выдвигавшие на первый план его предикативную функцию. Эту способность глагола модисты считали его побочным свойством (модусом обозначения – *compositio*).

Причастие рассматривалось модистами как особая часть речи, отличная от глагола. Оно определялось ими следующим образом: «Основной наиболее общий модус обозначения причастия есть модус обозначения посредством модуса бытия, не отстоящего от субстанции» [6, с. 244]. Имея общий с глаголом модус бытия (*modus esse*) и соединяясь с субстанцией, причастие обладают и общими признаками с глаголом и именем.

Самую характерную черту значения наречия модисты видели в функции дополнения значений глагола и причастия. В этой связи наречие они считали частью речи, обозначающей примыкание к другому слову.

Модус обозначения придавался и союзам. При этом модисты стремились сочетать их грамматическое значение со свойствами реальности: «Этот модус обозначения происходит от свойства соединения и сочетания в вещах внешнего мира» [6, с. 271].

Под наиболее специфической чертой предлогов модисты понимали их роль в реализации связи между глаголом и косвенным падежом имени. Эту особенность предлога они относили к свойству разгра-

ничения и сочетания. Но и сам Томас Эрфуртский был уверен, что в реальности предлоги могут связывать между собой и имена.

Особый модус обозначения придавался модистами междометиям: «Междометие есть часть речи, обозначающая посредством модуса определения другого слова, которое есть глагол или причастие, и представляющая состояния или движения души» [6, с. 284]. Но при отсутствии связи между междометием, с одной стороны, и глаголом или причастием – с другой, модистское определение междометия уступало его определениям, данным, например, Принцианом, отмечавшим отсутствие синтаксических связей между междометием и иными элементами предложения.

Подход модистов к изучению синтаксиса был ограниченным: из всех видов предложений, имеющих в латинском языке, в фокусе их внимания находилось лишь простое повествовательное предложение, вероятно, под влиянием логических исследований, направленных на изучение суждения. Несмотря на это, именно модисты первыми в Европе создали научную синтаксическую теорию. В статье «Идея синтактики в истории лингвистических учений» М.В. Влавацкая указывала: «Модисты считали, что модусами обозначения располагают не только отдельные слова, но и конструкции, понимаемые как любые сочетания двух слов, где один из компонентов является главным, другой – зависимым» [2, с. 21].

В синтаксическом строе модисты видели три стороны: *constructio* «конструкцию» *congruitas* «согласованность», *perfectio* «завершение». При этом под согласованностью понималась грамматическая точность конструкции и совпадение между модусами обозначения ее членов конструкции, а под завершением – грамматически правильное законченное предложение.

Модисты разграничивали грамматическую и смысловую совместимость слов. Если Петр Гелийский определял согласованность конструкции звучанием и значением, то для Томаса Эрфуртского она заключалась лишь в соответствии грамматических характеристик (модусов обозначения) слов.

Непременным условием существования предложения модисты считали наличие двух синтаксических компонентов – подлежащего (*suppositum*) и сказуемого (*appositum*). Создание этих специальных грамматических терминов стало крупным достижением модистов. В качестве подлежащего ими признавались формы косвенных падежей как носители глагольного признака в предложениях, рассматриваемых сейчас как безличные (напр., форма род. пад. *Socratis interest* «для Сократа важно», форму дат. пад. *Socrati accidit* «Сократу случается»). При отсутствии в предложении подлежащего (сказуемого) модисты считали его подразумеваемым (Томас Эрфуртский называл это «завершенностью соответственно пониманию»). Завершенное предложение состояло из трех частей: подлежащего и сказуемого, соответствия модусов обозначения условиям согласованности; завершенности зависимостей.

До 30-х гг. XIV в. учение модистов пользовалось

наибольшим влиянием, а затем подверглось резкой критике со стороны представителей ряда философских школ, прежде всего, со стороны сторонника аверроизма Иоханна Аурифабера в Эрфурте (1332 или 1333 г.). Последовательными противниками модистов в XIV в. стали философы-номиналисты, отстаивавшие принцип экономии, по которому из научного рассуждения удалялись понятия, не сводимые к интуитивному знанию и не поддающиеся проверке в опыте.

Несмотря на критику номиналистов, модисты XIV и XV вв. вели активную полемику со своими противниками, в этот период еще появлялись новые рукописи сочинений модистов. Но в XVI в. под влиянием критики со стороны гуманистов деятельность модистов была прервана окончательно и в грамматиках этого и последующих столетий имена модистов, названия их трактатов почти не упоминаются, а их терминология была почти забыта.

Грамматики рационалистического направления XVI – XVIII вв. унаследовали от модистов интерес к универсальным грамматическим явлениям и стремлению выявлять причинные связи фактов языка; наследие модистов проявилось в учете рационалистическими грамматиками при рассмотрении языковых явлений философской и логической проблематики.

С традициями модистов были наиболее тесно связаны сочинения двух виднейших лингвистов XVI в. – Юлиа Цезаря Скалигера, автора книги “De causis linguae latinae” (1540), и Франсиско Санчеса, автора труда “Minerva, seu de causis linguae latinae” (1587). Сочинения данных ученых повлияли на авторов грамматик Пор-Рояля (“Grammaire Generale et Raisonnee” («Общей и рациональной грамматики»)) (1660). Идея общей философской грамматики проявилась в труде Дж. Хэрриса “Hermes or a philosophical enquiry concerning language and universal grammar” («Гермес или философское исследование относительно языка и универсальной грамматики»), опубликованном в 1751 г.

В XIX в. в период господства сравнительно-исторического языкознания теории модистов подвергались ожесточенной критике (например, со стороны французского лингвиста Шарля Тьюро). Во второй половине XX в. рост интереса к грамматической концепции модистов проявился в многочисленных изданиях их трудов, в появлении обширной научной литературы, посвященной изучению их грамматической теории. Действительно, знаковая теория модистов опередила теорию Ф. де Соссюра (1857 – 1913) о слове как о знаке, объединяющем «понятие» и «акустический образ» [5, с. 36]. Другой общей чертой учения модистов с концепцией Ф. де Соссюром является их представление о языке как о строгой системе взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Близка в этом отношении теория модистов и концепции В.А. Богородицкого (1857 – 1941), трактовавшего слова речи как комплексы произносимых и

слышимых звуков, с которыми по смежности ассоциируются соответствующие значения. Русский ученый в 15-й лекции «Об изучении и преподавании родного языка и иностранных» утверждал: «Поэтому первой задачей учителя является ознакомление учащихся с акустической формой слов, входящих в разговор, семасиологические представления которых ученики угадывают, благодаря наглядному преподаванию; вместе с тем они приобретают возможность схватывать своим слухом в слышимых фразах знакомые уже им акустические образы слов и по ним догадываться о смысле целой фразы» [1, с. 239].

Некоторые черты учения модистов сближают их концепцию с теорией Н. Хомского, например, представление модистов об универсальных чертах грамматического строя. Сам Н. Хомский заявлял: «Исходя из принятой когнитивной перспективы, универсальная грамматика выражает биологически необходимые универсалии» [7, с. 9]. Стремление модистов не только описывать, но и объяснять явления языка и раскрывать их причины также сближает их с «порождающей грамматикой» Н. Хомского.

Как показывает вышеприведенный обзор, идеи представителей направления модистов оказались востребованными в зарубежной и отечественной лингвистике. Исследование грамматической концепции модистов с учетом важности открытых ими универсальных грамматических категорий для лингвистической науки и сейчас представляется актуальным.

Литература

1. Богородицкий, В.А. Лекции по общему языковедению / В.А. Богородицкий. – М., 2010.
2. Влавацкая, М.В. Идея синтагматики в истории лингвистических учений / М.В. Влавацкая // Вестник ВГУ. – Сер.: Филология. Журналистика. – 2010. – № 2. – С. 21 – 24.
3. Даниленко, В.П. Ономазиологическое направление в грамматике / В.П. Даниленко. – М., 2007.
4. Лукин, О.В. Части речи в Средние века (предпосылки и контекст) / О.В. Лукин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 6. – С. 138 – 145.
5. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики (изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера) / Ф. де Соссюр; пер. с фр.; под ред. и с примеч. Р.О. Шор. – М., 2012. (Лингвистическое наследие XX века)
6. Bursill-Hall, G.L. Speculative Grammars of the Middle Ages / G.L. Bursill-Hall. – The Hague. – Paris, 1971.
7. Chomsky, N. On Nature and Language / N. Chomsky. – Cambridge, 2002.
8. Pinborg, J. Die Entwicklung der Sprachtheorie im Mittelalter / J. Pinborg // Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie im Mittelalter. Texte und Untersuchungen. – Bd. 42. – H. 2. – Münster: Aschendorff, 1967.
9. Robins, H.H. A Short History of Linguistics / H.H. Robins. – L., 1967.
10. Roos, H. Die Modi significandi des Martinus de Dacia: Forschung zur Geschichte der Sprachlogik im Mittelalter / H. Roos // Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie im Mittelalter. Texte und Untersuchungen. – Bd. 37. – H. 2. – Münster: Aschendorff, 1952.